

EUROPA ORIENTALIS 41 (2022)

СИМВОЛИЗМ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ Л. ГОГОТИШВИЛИ С Ю. СТЕПАНОВЫМ¹

Светлана Федотова

Людмила Гоготишили (1954-2018) занимает в современных исследованиях русского символизма скорее маргинальную позицию. Ее научная мысль до сих пор почти не услышана и теоретический вклад в гуманистическую неизвестно. Нет, очень даже известно, особенно как исследователя и комментатора Михаила Бахтина и Алексея Лосева, но в их отдельности, а никак не на общем символистском поле. Как интерпретатор феномена русского символизма *с лица необщим выражением*, со своей логическистройной, глубоко продуманной и убедительной лингвофилософской концепцией, Гоготишили остается практически неузнанной, непрочитанной, неким *X*, предикаты к которому – “сложно”, “непонятно”, “головоломно” и т.д.

Для этого, пожалуй, есть определенные основания. Символизм она понимала не вполне привычно: не как литературное, а как религиозно-философское направление отечественной мысли, разрабатывающее – вслед за Вяч. Ивановым – отдельные версии философии языка (имени), с опорой на категории символа и мифа (С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев). Ряд приведенных имен изначально открывал М. Бахтин, который, как и Лосев, был постоянным *героем* Гоготишили, и – что немаловажно – оба они, крупнейшие фигуры русской философско-гуманистической мысли XX в., признавали Иванова своим “учителем”. Гоготишили шла к символизму со стороны “учеников”, позднее она назовет их – так же не вполне обычно для литературоведов – “постсимволистами”, находя между ними, как, добавим, и между всеми представителями символистской традиции, “принципиальные различия на фоне фундаментального сходства”.² Не менее, если не более важно, что ее концеп-

¹ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет гранта РНФ (№ 22-28-01832) “Русский символизм в новейших лингвофилософских исследованиях. Случай Л.А. Гоготишили”.

² См. статью Гоготишили “Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию по-

туальные подходы к изучаемому на протяжении всей жизни феномену во многом определялись творческой рецепцией идей символистов, преомоляясь на разных этапах освоения их наследия через разные методы анализа, но сохраняя неизменным свое смысловое ядро – интерес к их языковым стратегиям, напрямую связанным с их религиозно-философскими взглядами. Профессиональный лингвист,³ Гоготишивили двигалась от теоретического языкознания – через общефилософское (и даже аксиологическое) истолкование синтеза православного энергетизма (исихазма) и платонизма, или “апофатизма и символизма”,⁴ предпринятого философами-имяславцами (прежде всего Лосевым), – к феноменологии языка символистов в целом,⁵ отлично осознавая возможности и ограничения несимволистской лингвистики в освоении символистского дискурса. Однако решительному предпочтению феноменологического подхода как метаязыка, наиболее адекватного русскому символизму, предшествовал краткий период, когда последний рассматривался в чисто лингвистическом ракурсе – через предикативную концепцию символа, мифа. Именно тогда и появился довольно непростой для восприятия цикл статей: “Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский)” (1997), “Лосевская концепция предикативности” (1999), “Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия” (1999), “Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова” (2002), “Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М.М. Бахтина)” (2004) и, наконец, “Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)” (2004), которая подытоживает средний и одновременно открывает поздний – феноменологический – этап творчества Гоготишивили.

строения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства)” (2014), опубликованную в посмертной книге “Лестница Иакова: архитектоника лингво-философского пространства” (М., Издательский Дом ЯСК, 2021, с. 431-450), составленную И.Н. Фридманом из работ позднего периода.

³ См. ее диссертацию “Опыт построения теории употребления языка (на основе общефилологической концепции М.М. Бахтина)” (1984, МГУ), защищенную по специальности “общее языкознание”.

⁴ Гоготишивили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., Мысль, 1993, с. 906; см. также важную работу по этой теме: Гоготишивили Л.А. Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., Мысль, 1994, с. 878-893.

⁵ Не случайно прижизненная книга Гоготишивили называется “Непрямое говорение” (М., Языки славянских культур, 2006).

Заостренно лингвистический акцент этих работ до сих пор отпугивает историков философии и литературы своими специфическими приемами анализа и терминологией. Особенно в этом отношении не повезло ивановским статьям. Если о других своих *героях* Гоготишвили писала до и после предикативного периода, что дает возможность проследить, как менялись ее “монографические” интерпретации в динамике, т.е. каким образом осуществлялся их перевод (в широком смысле этого слова) с одного языка описания на другой, то Иванов находится прямо в эпицентре лингвистического циклона, особенно первая статья. Вторая уже адаптирована, в ней сокращены теоретическая часть и фрагменты, касающиеся сопоставления ивановского символизма и имяславия, расширен диапазон и материал анализа поэтических текстов, т.е. примеров, подтверждающих теорию. По количеству ссылок на эту работу видно, что она намного благосклоннее принята читателями, не в последнюю очередь, надо думать, из-за терминологической инверсии: вместо понятия предикативности в фокусе внимания здесь более нейтральный и ласкающий слух принцип антиномизма. Иногда встречаются диаметральные оценки двух этих статей как *принципиально разных*, что совершенно неверно. На самом деле они соотносятся между собой как развернутое индуктивно-дедуктивное доказательство гипотезы и обобщенное изложение полученных выводов, приближенных к закону. “Антиномический принцип” логически вытекает из лингвистической интерпретации ивановской формулы мифа, предпринятой в “Между именем и предикатом...”. Признавать вторую статью, категорически отвергая первую, можно только по недоразумению.

Мы остановимся на первой работе, взрывающей все устоявшиеся представления об Иванове, в силу чего она, разумеется, далеко неоднозначно принята в иванововедении. Статья очень объемная, плотно насыщенная нестандартными *мыслями*, терминологически непростая. Если пропустить какой-то логический поворот, приходится возвращаться назад, разбираться в длинных периодах, с обилием вводных конструкций, где Гоготишвили поясняет, растолковывает ход своих рассуждений, понимая, что не всякий литературовед хорошо знаком с аппаратом современной лингвистики. Тем не менее текст остается архисложным, почти “герметичным”, языковая проблематика улавливается с трудом, возможно, поэтому во второй статье она уходит на дно. По нашей гипотезе, ключом к пониманию этой работы может послужить полемический контекст, определяющий, прямо по Бахтину, диалогический фон предикативной трактовки символизма и ее явный лингвистический уклон. Отчетливое представление о нем дает финальная статья цикла “Рецепция символизма...”, начнем с нее, тем более что она не вошла ни в при-

жизненную, ни в посмертную книги Гоготишили, а была с сокращениями напечатана в сборнике, где и затерялась.

Полемическаяnota звучит с самого начала. В современной гуманитарной науке, утверждает автор, сложилось не вполне адекватное восприятие русского символизма, разработавшего концепции символа (имени) и мифа на основе определенных религиозно-мифологических установок. В рецепции символизма отчетливо преобладают две тенденции: рационалистическая (структуралистско-семиотическая) и аксиологическая. В рамках первой проявляется интерес к языковым открытиям символистов, но толкуются они неверно, так как из научного анализа исключается религиозно-мифологический пласт их сознания. В рамках второй, наоборот, внимание сосредоточено исключительно на оценке религиозной телеологии символизма и имяславия как его ветви (в их соотношении с ортодоксальным православием, сектантством, с общественно-политическими проблемами России или биографически-бытовым модусом символизма). Такой подход, считает Гоготишили, еще больше “препятствует адекватной проекции его интеллектуальной техники в область гуманитарного мышления”, чем рациональный.⁶

В качестве иллюстраций к выдвинутым тезисам она приводит подборку “антисимволических аргументов” обеих противоборствующих сторон, контаминируя текст из слегка измененных – для краткости – цитат (в публикации без указания авторства).⁷ Однако во всех архивных вариантах статьи ссылки на источники имеются: здесь фигурируют Ю. Степанов, Ю. Лотман, С. Хоружий и А. Эткинд. В самом позднем по времени создания файле многие из приведенных презентативных высказываний сопровождаются полемическими репликами автора.⁸ Броса-

⁶ Гоготишили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова / отв. ред. И.Л. Попова. М., Языки славянской культуры, Прогресс-традиция, 2004, с. 150.

⁷ Гоготишили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект), цит. с. 151-152.

⁸ Ср., например, подчеркивания и пометы Гоготишили (выделены нами жирным шрифтом в квадратных скобках) в цитатах из книги А. Эткинда “Хлыст”: “Семиотической базой символизма и имяславия является тавтологическое неразличение субъекта и предиката, знака и значения, Бога и Имени... Патетические представления имяславцев... прямо соседствует с философией русского символизма [**Нет, статья об Иванове и имяславии**]. Имяславская ересь развивалась параллельно с философией символа Иванова..., философия имени Флоренского и Лосева наследовала обеим... Имяславие есть символизм, доведенный до абсурда (Эткинд, 261) [**нет!**]”. Личный электронный архив

ется в глаза, что подавляющее большинство цитат – из книги Степанова “В трехмерном пространстве языка” (1985), что закономерно выдвигает известного лингвиста-семиотика на роль первого оппонента концепции Гоготишили.

Напомним, что Степанов на основании трех констант языка (семантики, синтаксики и прагматики) в истории развития европейской мысли выделяет три основные парадигмы, или философии языка: семантическую – “философию имени”, синтаксическую – “философию предиката” и прагматическую – “философию эгоцентрических слов”. Первая из них охватывает период от античности до позднего Средневековья, и завершается философией имени Лосева; вторая – приходится на конец XIX – первую половину XX в. (Б. Рассел, Р. Карнап); третья – на конец XX в. В “философию имени”, говорит Степанов, мир выглядит как совокупность “вещей”, размещенных в “пространстве”. Вещь всегда имеет имя, которое в той или иной мере выражает ее сущность (идею, эйдос). Философия имени – это философия сущности. В “философию предиката”, настроенной враждебно по отношению к “философию имени”, мир состоит не из вещей, а из событий и фактов, языковой формой выражения которых является не изолированное имя (слово, понятие), а предложение (пропозиция), соответственно, центр тяжести смещается на предикат. Предикаты соответствуют не “вещам”, а “отношениям” между вещами, их функция не именование, а сигнификация.⁹ Вместо ЧТО здесь на первом плане КАК, если говорить словами Иванова. В третьей парадигме на первый план выдвигается субъект, эгология, “Я”, авторское сознание, которое конституирует реальность, другого (“ты”) и др. Эта сфера коммуникативной прагматики речи, с ее замыслом и контекстом, ее диалогичностью в бахтинском понимании, почти полностью релятивна, т.е. она еще дальше от парадигмы “философию имени”, с ее установкой на поиск неизменной истины, чем “философия предиката”, опирающаяся не на сущность вещей, а на универсальные логические законы.

В каждую из трех парадигм входят определенные художественные практики и теоретические поэтики. Символизм конца XIX – начала XX в. вписывается в первую. Вместе с философией имени Лосева он завершает семантическую парадигму через пять веков после конца схоластики, что, заметим, сразу аттестует названные течения как метафизические, глубоко традиционные, чуть ли не архаично-стилизаторские, изо-

Людмила Гоготишили (далее – АЛГ) доверен мне наследником авторских прав, И.Н. Фридманом; пользуясь случаем, приношу ему сердечную благодарность.

⁹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985, с. 125.

лированные от магистральных потоков интеллектуального движения XX в. По Степанову, концепция Лосева является “семантическим учением об имени и охватывает все главные семантические назначения имени – от именования вещи, через сигнификацию “эйдоса”, “идеи” и “логоса” (понятия), вплоть до слова как формы символа и мифа. <...> Предикаты и эгоцентрические слова, тяготеющие совсем к другим типам философии языка, у Лосева специально не рассматриваются и даже не попадают в поле его зрения”.¹⁰ Символизм же, в полном соответствии с этим выводом, определяется как чисто семантическая “поэтика имени”. С этой точки зрения, символическая поэзия Вяч. Иванова строится на исключительно семантическом обособлении слов, которые тем самым “изолируются и углубляются до сверхчувственной сущности, но связи слова в контексте, его синтаксика, оставляются нетронутыми, они даже оберегаются”. Следует подчеркнуть, что эта характеристика не отличается самостоятельностью, она полностью построена на оценках Андрея Белого и С. Аверинцева, согласно которым Иванов-платоник – “поэт существительных”.¹¹ Воспроизведя эти авторитетные точки зрения, и сам будучи авторитетнейшим ученым-семиотиком, Степанов закрепляет их как общепризнанное *locus communis*, которое и оспаривает Гоготишили.

Любопытно, что она, несомненно, ценила саму постановку вопроса о парадигмах языка, особенно о “философии предиката”. По книге “В трехмерном пространстве языка”, сохранившейся в личной библиотеке Гоготишили, хорошо видно, что со многими ее идеями она соглашалась, выделяя их подчеркиваниями, плюсами, восклицательными знаками, пометами (“Так и есть!” и т.п.) В то же время там полно полемических заметок на полях, из которых следует, что Гоготишили категорически не принимала ни характеристики символических теорий Лосева и Иванова как чисто семантических, ни утверждения, что они прошли мимо проблем предикативности и коммуникативности, т.е. мимо синтаксики (предложения) и прагматики (речевого высказывания, предполагающего коммуникативный замысел автора, его интенцию на диалог и т.д.). Исказжение оптики Степанова, по мнению Гоготишили, возникло из-за того, что он не принимает во внимание символистские учения о мифе, останавливается на слове-символе, не замечая, что в центре символизма, особенно в версии Иванова, а вслед за ним и Лосева, стоит мифологическое суждение.¹²

¹⁰ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка, цит. с. 57.

¹¹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка, цит. с. 69-76.

¹² Ср. черновую запись Гоготишили: “Вообще Степанов понимал, что символисты

Лингвистически окрашенная предикативная теория символа и мифа, предложенная Гоготишвили, и стала альтернативной трактовкой символизма, оппозиционной по отношению к структуралистско-семиотическим подходам в лице Ю. Степанова. Это отчетливо просматривается не только по открытым ссылкам на его книгу в двух статьях, с явным диалогическим подтекстом уже на уровне заголовков – “Лосевская концепция предикативности” и “Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)”, и не только по скрытому цитированию в полемическом контексте (особенно в последней работе), но и по основным выводам о своеобразии и лингвистическом новаторстве русского символизма и имяславия, выступающим прямой антитезой к заключениям Степанова.

В статье о Лосеве его философия языка, выстроенная от трансцендентной апофатической точки – к сфере “чистого” смысла (эйдетика и логос), а от него – к конкретно-чувственным и ситуативно насыщенным языковым формам, предикативность как логическая категория рассматривается на эйдетически-логосном уровне и уровне “естественнного языка”. На первом из них все процессы диалектического порождения смысла описываются в привычной терминологии, в том числе степановской, как *именование*, но по своей генетической природе, утверждает Гоготишвили, они являются не чем иным, как *предикацией*.¹³ Эта идея восходит к диалектике сущности и ее энергии, активно задействованной философами-имяславцами. Энергия символически проявляется во всех типах меона, включая эйдос и язык; сущность же как таковая всегда остается в апофатической недосыгаемости. Все, что познается в сущности, говорил Лосев, познается только в свете ее энергии, а это и значит – *в виде предикатов*. На всех уровнях философии имени Лосева Гоготишвили прослеживает логическую взаимотрансформацию понятий “субъект” и “предикат”, в свете которой все формы развития смысла

хотели именовать не конкретное (не чувственное), но все равно настаивал на изолированной семантике слов. И видел за ними инварианты чувственных восприятий. Степанов (57) понимает, что речь идет у Лосева о слове вообще, но прежде всего – все-таки имя. (слово и имя – синонимы – да, но пропущено предложение). На 59 говорит, что Лосев рассматривает и динамику порождения (мол, за 40 лет до генеративизма!), но почему сам не видит у Лосева предикативности? Обещал рассмотреть миф, но так и не рассмотрел (64)”.

¹³ Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., Мысль, 1999, с. 684.

(эйдетические, логосные и собственно языковые) суть формы расчленения, сочленения или синтеза предикатов.¹⁴

В статье об Иванове та же идея “обкатывается” исключительно с лингвистической стороны, что понятно, ведь теоретик символизма не создал и даже был принципиальным противником диалектической системы мысли (типа Гегеля). Он поэт, для него на первом плане не логический анализ, а прежде всего интуитивное схватывание, “проникновение”, “вчувствование”; затем – языковая (символическая) проекция религиозно-мифологического опыта. В статье “Между именем и предикатом...” Гоготишивили выявляет различия символизма Иванова и имяславия (в версии прежде всего Булгакова и Флоренского) на фоне общих для них лингвофилософских стратегий. Предельно схематизируя, можно выделить три основных вопроса, отвечая на которые Гоготишивили опровергает типологические характеристики Степанова, сближающего философию имени Лосева и символизм Иванова исключительно в “семантической” парадигме. Тождественны ли символ у Иванова и имя-символ у имяславцев? Что референцирует ивановский символ и имяславческое имя-символ? Какие языковые процессы участвуют в референциальном акте в обоих случаях, если иметь в виду, что оба они концептуально нацелены на установление связи между сущностью и явлением, трансцендентным и имманентным, идеальным и реальным, символизируемым и символизирующими?

Ответ на первый вопрос отрицательный. Это исходное положение всей концепции, которое Гоготишивили выдвигает, исходя из анализа немногочисленных высказываний Иванова, где имя и символ отчетливо противопоставлены.¹⁵ Для имяславцев имя может самолично референцировать символический “предмет”, т.е. – и это наш третий вопрос – они понимали связь между двумя планами бытия как *именование*, что, разумеется, вытекало из имяславской доктрины.¹⁶ В то время как тео-

¹⁴ Гоготишивили Л.А. Лосевская концепция предикативности, цит. с. 685.

¹⁵ Ср.: “Символы наши – не имена, они – наше молчание. И даже те из нас, которые произносят имена, похожи на Колумба и его спутников, называвших Индией материк, что вот-вот выплынет из-за дальнего горизонта” (*Иванов Вяч. И. Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // Иванов Вяч. И. По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: в 2 кн., Кн. I. Тексты / Отв. ред. К.А. Кумпан. СПб., Пушкинский Дом, 2018, с. 134-135*).

¹⁶ Речь идет об известной исихастской формуле “Имя Божие есть Бог, но сам Бог не есть ни Имя Божие, ни имя вообще”, которая лежала в основе всех имяславских версий языка. “...факт наличия имени Первосущности онтологически предопределяет всеобщую

ретик символизма постулировал эту связь как *ознаменование, указание на*, но никак не имя, прямо идентифицирующее трансцендентную “вещь”. Собственно говоря, вся статья разворачивает базовый тезис Гоготишвили: ““Неименное” понимание символа – константа ивановской мысли. Константа, основывающаяся на фундаментальном противопоставлении: имя *объективирует свой референт (или денотат)*, ивановский символ – принципиально нет”.¹⁷ Утверждение, что Иванов сознательно не допускал сближения символа с именем, сопровождается полемической шпилькой в адрес “исторически более поздних представлений обзорного систематизирующего типа”, в которых без труда опознается концепция Степанова.¹⁸

Для выявления общего и различного в позициях Иванова и философ-имяславцев (прежде всего Булгакова) Гоготишвили применяет лингвистическую теорию референции, поскольку она наиболее соответствует идее ивановского символизма и имяславия о возможности языка прорваться в “вышшую сферу”, символически уловить событие “касания двух миров”. Отметим в скобках, что в степановской типологии не затрагиваются никакие иные версии философии имени начала XX в., кроме лосевской. А между тем именно Булгаков ярче всего выразил оригинальность имяславского мышления, согласно которому *имя есть суждение*, где функцию субъекта (подлежащего) выполняют местоимения, а функцию предиката (сказуемого) – знаменательные слова. По Булгакову, местоимение (по определению, не объективирующее референт) в позиции субъекта означает “мистический жест”, указующий на реальную

именованность. Если есть Имя Бога, то все должно иметь свои подлинные имена, и сам процесс именования получает “онтологическое” обоснование” (*Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение*, М., Языки славянских культур, 2006, с. 17).

¹⁷ *Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)*, цит. с. 22.

¹⁸ “При типологических описаниях, например, парадигм лингвистического мышления “философия имени” напрямую связывается с поэтической практикой символизма и даже прямо Иванова. Имеющиеся здесь смысловые напряжения и прямые, в том числе лингвистические, антиномии остаются до сих пор практически незамеченными”, – говорит Гоготишвили, приводя уже известный нам состав “антисимволистских аргументов”: “завуалированный пантеизм, магизм и язычество, укоренение языка в самой сущности, ориентация исключительно на последнюю и, соответственно, на имя существительное; малое внимание к предикатам и к синтаксике в целом, игнорирование pragmatики и др.” (*Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)*, цит. с. 21).

точку в бытии, которой придается данное имя-предикат, согласно узнаваемой в ней идее, а весь состав идей уже присутствует в нашем сознании как общие слова-символы. Таким образом, предикат в именовательном суждении у Булгакова есть само *имя-символ*, где идеальное и реальное нераздельно сращены в платоновской идее (эйдосе), в отличие от ивановских озnamеновательных символов, сближающихся с конвенциональными знаками. Предикативная концепция имени у Булгакова открыто противоречит распространенным представлениям об имяславии, и сам он подчеркивал, что основное отличие его “Философии имени”, в том числе и от философии Платона, заключается в “специально предикативной” постановке вопроса о языке, что совершенно справедливо учитывает Гоготишивили.¹⁹

По ее мнению, не было ни одного крупного мыслителя из символистского лагеря, который прошел бы мимо темы предикативности в 1910-е годы. Особенно рельефно, помимо Булгакова, она представлена у Вяч. Иванова в его формуле мифа, которая с небольшими вариациями воспроизводилась поэтом-теоретиком, начиная с экскурса “Основной миф в романе “Бесы”” (1911), вплоть до немецкой книги о Достоевском (1932):

Миф определяем мы как синтетическое суждение, где подлежащему символу придан глагольный предикат... Если символ обогащен глагольным сказуемым, он получил жизнь и движение: символизм превращается в мифотворчество. Истинный реалистический символизм, основанный на интуиции высших реальностей, обретает этот принцип жизни и движения (глагол символа или символ-глагол) в самой интуиции, как постижение динамического начала умопостигаемой сущности, как созерцание ее актуальной формы, или, что то же, как созерцание ее мировой действенности и ее мирового действия (IV, 437-438).

Логико-лингвистический анализ этого определения приводит Гоготишивили к выявлению констант ивановской мысли, которая затрагивает проблему порождения языкового мифа как предложения из языковой же формы символа как отдельного слова: 1) и субъект, и предикат мифологического суждения имеют символическую природу; 2) они равноправны, т.к. “раздельно “обретаются” в интуиции умопостигаемой сущности, то есть и логически, и с точки зрения языковой семантики они разведены”; 3) разведенные аналитически, они как раз и могут быть синтетически соединены в мифологическом суждении (откуда рождается прира-

¹⁹ Гоготишивили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия), цит. с. 24-25.

щение смысла и поэтическое “удивление”);²⁰ 4) природа самой “умопостигаемой сущности” мыслится “и не символической, и не языковой – две последние дефиниции полностью отходят в непосредственное владение словесному мифу”.²¹

Интерпретация мифологического суждения Иванова дает возможность вывести языковой механизм символа и мифа, который, согласно гипотезе Гоготишвили, и составляет лингвистическую новизну ивановской “заявки” на особый, неименной, необъективирующий, безобразный, способ референции, включающий в себя предикацию. В этом пункте Иванов сближается с имяславцами, так же переосмысляющими философскую и прямо лингвистическую проблему принципиального функционально-смыслового противопоставления субъекта (референта) и предиката в предложении как реальной единице речи и мышления. “Выдвижение на авансцену предикативности в рамках принципиально ориентированных на референцию” подходов и составляет самую оригинальную черту философии языка русских символистов, неожиданную для их критиков;²² – утверждает Гоготишвили, прямо оппонируя Степанову, который, как мы помним, считал, что символисты вовсе “не заметили” предиката, “прошли мимо” синтаксиса, остановившись на семантике.

В том же полемическом ключе, символ у Иванова определяется как “безобразная объективация предиката”: имеется в виду, что в символе-субъекте мифологического суждения используется имя другого денотата, даже не собственно имя, а его предикаты. В качестве самого показательного примера Гоготишвили приводит ивановское поэтическое высказывание: “*Тайна, о братья, нежна: знаменуйте же Тайное Розой...*”, где отчетливо просматривается уподобление символического референта *Тайное* по предикату второго денотата (*Розы*) – *нежная*, с ослабленной семантикой чувственного (тактильного) образа. Это наглядная иллюстрация языкового механизма, лежащего в основе ведущего принципа символизма Иванова – *per realia ad realiora*. Определение символа у

²⁰ Отметим, что это первое в иванововедении обоснование поразительного в общем-то введения кантовского понятия синтетического суждения в дефиницию мифа у Иванова. Ф. Вестбрюк бегло касается этого вопроса, но ограничивается замечанием, что “терминология Канта свидетельствует о своеобразном смешении философских и филологических понятий в работах Иванова” (*Вестбрюк Ф. Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве*. Амстердам, 2007, с. 38).

²¹ Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия), цит., с. 31-33.

²² Там же, с. 25.

Иванова через понятие предикативности “в ее обновленном понимании, скажем, у Б. Рассела или К.И. Льюиса, согласно которому в предикате язык “отражает” отношения “вещей” между собой и сами “вещи” как пучки отношений, но при этом предикат не именует эти отношения”, прямо отсылает к книге “В трехмерном пространстве языка”. Иными словами, Гоготишивили переносит степановскую характеристику второй парадигмы, “философию предиката”, на ивановский символ, предлагая понимать его “по аналогии как *пучок предикатов* разного рода – не именующих, не объективирующих и не опирающихся на чувственный образ”, подобных “беспредметным” символам у М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского.²³

Из приведенной выше формулы мифа Гоготишивили заключает, что изолированный символ у Иванова, взятый безотносительно к глагольному предикату внутри мифологического суждения, не способен осуществлять полноценную референцию. Такой способностью “обладают не изолированные символы и не символы в позиции субъекта суждения, а только символические фигуры речи в их целом, в пределе – мифы (или “мифоиды”)”. Но поскольку символ-субъект – это “пучок предикатов”, к которому в мифологическом суждении синтетически добавляется “символ-глагол” (т.е. еще один предикат), постольку Гоготишивили делает далеко не тривиальный вывод о том, что лингвистическая новизна смысла ивановской заявки на особый, неименной, способ референции состоит в “акте скрещения разных по источнику предикативных зон”, который так же не объективирует референт, т. к. предикаты (в любой их конфигурации), согласно лингвистическим представлениям, не имеют “предмет”.²⁴ Задаваясь вопросом, могут ли ивановский миф и символические фигуры (с их субъект-предикативной структурой) осуществлять реальную референцию, Гоготишивили привлекает идею Дж. Р. Серля, согласно которой все, что обладает референцирующей силой, должно обладать способностью к трансформации в *экзистенциальное суждение*. Она утверждает, что подобную трансформацию пройдут все компоненты предложения у Булгакова, для которого имя, точнее, имено-

²³ Там же, с. 49. См. там же сноска 33, где дается высокая оценка исследованию Степанова, “в котором фактически впервые был принципиально поставлен на фоне общетеоретических лингвистических проблем и по-своему (отлично от развиваемой нами гипотезы) решен вопрос о соотношении между “философией имени” и символизмом, в том числе и ивановского типа”. Отличие и заключается в том, что Степанов отождествил символ и имя, а Гоготишивили их растождествила, опираясь на степановскую же классификацию “философии предиката”.

²⁴ Там же, с. 52.

вательное суждение всегда содержит в своей пресуппозиции суждение экзистенциальное, а у Иванова, наоборот, не пройдет ни один изолированный компонент фразы.²⁵ Опуская чрезвычайно любопытные доказательства того, что у Иванова символическую референцию может осуществлять только миф (пра-миф) своим целостным субъект-предикативным составом, перейдем к итогу этой лингвистической интерпретации – к антиномическому принципу в поэзии Иванова. Гоготишвили убедительно демонстрирует, что спецификой символических фигур речи у Иванова является *антиномическое скрещение предикативных зон* субъекта и глагольного предиката мифологического суждения, которые оказываются у поэта бинарно-контрастной, но и взаимообеспечивающей лингвистической парой (по типу: “Умереть – знай: жизнь благословить” (II, 422)²⁶. Только такая, антиномически напряженная синтаксическая конструкция может указывать на подразумеваемый символический референт, знаменовать не конкретную “вещь” (денотат), а мистическое “событие”, имеющее не субстанциональный, а процессуальный характер.

Впрочем, Гоготишвили идет дальше и критически пересматривает понятие “события” как референта мифологического суждения. По ее мнению, подлинным референтом символического высказывания у Иванова является не трансцендентные сущности сами по себе, а трансцендентно-имманентное безобъектное “состояние сознания”, которое по сути “есть условный, секуляризованный и частичный, синоним экстаза”. С этой точки зрения постулируется, что в символизме Иванова “не язык укоренен в онтологии (в трансцендентной сущности), как обычно трактуется ивановская позиция, а миф и символические фигуры в определенном смысле укоренены в языке. Через эти символические фигуры и сам язык может прорываться в сферы высшего “реальнейшего” мира, что и составляет пафос ивановского символизма”.²⁷ Таким образом, телеология неименующих и необъективирующих символических конструкций у Вяч. Иванова состоит в стремлении инсценировать в поэзии путь к этому состоянию, определяющему, по известной формуле поэта,

²⁵ Достаточно представить, говорит она, любое, даже искусственное мифологическое суждение с использованием, к примеру, ивановского символа Змеи в позиции субъекта, к которому добавлен любой глагольный предикат, чтобы убедиться, что предполагаемое данной процедурой экзистенциальное суждение “Змея существует” окажется полной бессмыслицей с точки зрения символического референта исходной мифологической фразы (Там же, с. 54).

²⁶ Там же,, с. 74-75.

²⁷ Там же, с. 80.

“целостное двойное КАК: “как” видит художник и “как” выражает” (III, 675). Символизм призван пробудить в читателях механизмы мифологической памяти, которые мыслятся принципиально не поддающимися языковой объективации (а значит, и именованию), но которые дают возможность “вспомнить” архетипические состояния сознания, в которых переживается нераздельная всеобщая связь трансцендентного и имманентного уровней бытия, что на языке лингвистики и означает состояние *до* субъект-предикативной пропасти между миром и человеком.²⁸

Из статьи “Между именем и предикатом...” и ее адаптированного варианта – “Антиномического принципа...” – намечается новый виток лингвофилософской концепции Гоготишвили. Уже в финале последней работы она делает логический переход, демонстрирующий влияние символизма Иванова на диалогическую концепцию Бахтина. “Из недр ивановского антиномизма выросла, в частности, бахтинская теория двуголосого слова. <...> В бахтинском двуголосом слове ивановские антонимы разошлись по “голосам”, но остались – как у Иванова – в рамках единой синтаксической конструкции”.²⁹ В статье “Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М.М. Бахтина)”, так же до сих пор не воспринятой научным сообществом, подробно рассматривается аналогия двуголосого слова с предикативным актом.³⁰

Итак, предикативная интерпретация символа и мифа у Иванова, а также имени у имяславцев – полная антитеза концепции Степанова, прежде всего потому, что она учитывает внимание символистов к мифологическому суждению (предложению), к проблеме соотношения субъекта и предиката высказывания, которая определяет ядерные лингвистические процессы. В статье “Рецепция символизма...” Гоготишвили переходит на феноменологический метод, противопоставляя его рациональным и аксиологическим подходам. Для адекватного изучения рус-

²⁸ Ср. начало позднего ивановского “Письма к самому себе”: “Я знаю – сознаю – связь в себе, и связь эта – моя многоликая жизнь. Стоит же прямо и просто мое знание – сознание – связи всеобщей и всеобщего оживления, происходящего из этой связи...” (*Федотова С.В. Soliloqio* Вячеслава Иванова: неизвестное “Письмо к самому себе” // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. редакторы: Н. Ю. Грекалова, А. Б. Шишкин. СПб., РХГА, 2016, с. 444).

²⁹ Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение, с. 137-138.

³⁰ См. в: Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение, с. 139-219.

ского символизма она предлагает редуцировать содержание мифа (религиозного опыта) и учитывать только соответствующие “интеллектуальные техники” символистов, которые конституируют их теории символа и языка. Нельзя не заметить, что, сближая символизм с феноменологией Э. Гуссерля, Гоготишили передислоцирует его из “семантической” парадигмы Степанова в “межпарадигматический” период, к которому, согласно тому же ученому, относится феноменология, представляющая собой “‘мост’ от философии имени – через философию предиката – к философии эгоцентрических слов”.³¹

Многолетняя подспудная полемика со Степановым находит свое логическое завершение не только в многочисленных цитатах из его книги, отнесенных к “антисимволическим аргументам”, но и в открытом обыгрывании названия его языковых парадигм в выводе Гоготишили: “Если перевести имяславскую “философию имени” на лингвистический язык, то получим *Философию языка*, или – в качестве подчеркнутой антитезы распространенному пониманию символизма – *Философию предикатов*”.³² Эта парадоксальная формула дает ключ к пониманию предикативного периода в творчестве Гоготишили, спровоцированного полемикой с достойным оппонентом, с опорой на его же понятийный аппарат. Из обобщающей статьи этого этапа отчетливо видно, что концепция предикативности уже “отработана”, она встраивается в новую методологию, выступая *одним из* аналитических (технических) приемов феноменологического описания, в поздних же работах Гоготишили она исчезает совсем.

Завершая, еще раз подчеркнем, что предикативная теория символа и мифа, предложенная Гоготишили, нацелена не на “снижение” общепризнанного статуса Иванова как онтологиста, платоника, мистика и метафизика. Наоборот, она доказывает актуальность символизма для современной гуманитарной мысли: символизм – это не архаика, не музейный экспонат, а живая и уникальная традиция русской мысли, во многом опередившая развитие европейских интеллектуально-эстетических течений в XX в. Он изначально развивался в контексте “поисков возможных синтезов между релятивной энергией рационализированного неокантианства и антирелятивным зарядом феноменологии”, к которым гуманитарные науки обратились в середине и конце XX века.³³ В таком

³¹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка, цит., с. 201.

³² Гоготишили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект), цит., с. 157.

³³ Там же, с. 149.

ракурсе трактовка учения Иванова о символе как предикате, о мифологическом суждении как скрещении двух предикативных зон (субъектной и глагольной), о символическом референте как безобъектном состоянии сознания, о разыгрывании в языке мифологического события и т.д., вписывает символизм в самые дискуссионные проблемы гуманитарной мысли ушедшего столетия. Теории Иванова предвосхитили, согласно Гоготишили, нетрадиционные концепции метафоры как семантико-синтаксического взаимодействия, появившиеся во второй половине XX в., в том числе предикативную теорию метафоры П. Рикёра, теорию “спектрального видения” М. Блэка, идеи отклоняющейся предикации и расщепленной референции Р. Якобсона.

Можно не соглашаться с интерпретацией Гоготишили, можно оспаривать ее с пеной у рта до морковкина заговенья. Но для начала желательно просто прочитать ее до конца, понять своеобразие ее смелых лингвофилософских реконструкций и интерпретаций, всегда полемически заостренных против сложившихся стереотипных характеристик и оценок. В этой связи вспоминаются слова другого оригинального исследователя русского символизма, Роберта Бёрда, к глубокому сожалению, тоже уже покойного. Для первого круглого стола, посвященного памяти Людмилы Гоготишили (2018), он прислал текст, озаглавив его “Точность созерцания”, где назвал подход Гоготишили к философии языка “абсолютно самобытным” – подход, который нам еще предстоит открыть по-настоящему. Признался он и в том, что долго “боролся” с ее работой о категории имени у Вячеслава Иванова. Но прочитав статью несколько раз, пришел к выводу: “Да, она права, и мне добавить просто нечего”.³⁴

Abstract

Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the context of L. Gogotishvili's polemic with Yu. Stepanov

The article deals with the linguo-philosophical interpretation of Russian symbolism, undertaken in the little-studied works of L. Gogotishvili of the late 1990s – early 2000s, united by a common approach to the philosophy of language by Vyach. Ivanov, A. Losev and M. Bakhtin, namely, the predicative concept of symbol and myth. The reasons that prevent the inclusion of this

³⁴ См. видеозапись Международного круглого стола, посвященного презентации книги Роберта Бёрда “Символизм после символизма” (13 декабря 2022 г.), где Е.А. Тахо-Годи зачитывает текст Бёрда памяти Гоготишили: <<https://www.youtube.com/watch?v=sfllUVzTnoQ&t=4277s>>, начало: 1:11:15.

theory in the spectrum of debatable problems of studying the phenomenon of Russian symbolism are clarified: 1) a pointed linguistic turn of the topic, the corresponding methodology and terminology, unfamiliar to specialists in the field of the history of philosophy and literature; 2) lack of understanding of the polemical intention of the author and the specific addressee of the polemic. A hypothesis is put forward, according to which a certain “hermeticity” of these works is due to their focus on constructive refutation of the characteristics of symbolism presented in the theory of Yu. Stepanov about three language paradigms (semantic – “philosophy of the name”, syntactic – “philosophy of the predicate”, pragmatic – “philosophy of egocentric words”). A series of articles of the specified period is analyzed, with special attention to the works about Vyach. Ivanov and Losev, as well as to the generalizing article “The Reception of Symbolism in the Humanities”; including marginalia in Stepanov’s book “In the Three-Dimensional Space of Language” from Gogotishvili’s personal library and materials from her archive. As a result, it is shown that the researcher disputes the classification of Stepanov, who classifies Losev’s philosophy of language and Ivanov’s poetics as the first (“semantic”) paradigm. This controversy can be traced in detail on the example of the article “Between the name and the predicate (the symbolism of Vyach. Ivanov against the background of onomatodoxy)”. The main conclusion of this study is that Ivanov’s predicative interpretation of the symbol and myth, as well as the name in onomatodoxy, is built by Gogotishvili as a direct antithesis to Stepanov’s concept: in contrast to him, Gogotishvili takes into account the attention of symbolists not to an isolated word-symbol (semantics), but to the mythological judgement (syntax), to the problem of the relationship between the subject and the predicate of the proposition, to the fundamental categories of logic and linguistics.

Keywords: L. Gogotishvili, Yu. Stepanov, Vyach. Ivanov, A. Losev, S. Bulgakov, M. Bakhtin, Russian symbolism, language paradigms, philosophy of the name, philosophy of the predicate, linguistics, phenomenology.